

Глава IV

ЭЛИТА БОСПОРА В МИТРИДАТОВСКОЕ И ПОСТМИТРИДАТОВСКОЕ ВРЕМЯ

4.1. Борьба за боспорский престол

История взаимоотношений боспорской аристократии и понтийского царя Митридата VI Евпатора – особый и в высшей степени любопытный сюжет. Боспор тогда потерял независимость, и для нас важно уяснить, какую роль в этом сыграла правящая элита. В первую очередь необходимо понять, что же боспорская элита ожидала от Митридата, с другой стороны, не менее важно осознать, что от неё ожидал царь Понта [ср: Niebergall, 2011].

Детали сложной и драматической истории, связанной с переходом власти на Боспоре к понтийскому царю, известны, прежде всего, по знаменитому декрету в честь Диофанта (IOSPE, I², 352). Надпись повествует о том, что Херсонесское государство, оказавшееся в труднейшей ситуации в результате натиска скифов, обратилось за помощью к Митридату. На помощь жителям Херсонеса было прислано понтийское войско во главе с Диофантом. После первых побед над скифами и таврами он прибыл на Боспор, чтобы, как логично ожидать, предупредить возможное выступление боспорян на стороне скифов [Молев, 1994, с. 18]. Эта акция представляется абсолютно оправданной, ибо боспоро-скифский союз, речь о котором шла выше (см. главу 2.12), как будто к тому должен был обязывать. Возможно, уже в это время была достигнута и предварительная договорённость о передаче власти Перисадом V («Последним») в пользу понтийского царя [Жебелёв, 1953, с. 98].

Такой поворот событий никак не мог удовлетворить скифов, и они попытались взять реванш, на их стороне при этом выступили роксоланы (в надписи названы «ревксиналами»), но и на сей раз понтийское войско оказалось сильнее и одержало полную победу. После неё Диофант второй раз появился на Боспоре, где, как сказано в декрете, «устраивает тамошние дела прекрасно и полезно для Митридата Евпатора». Этот пассаж эпиграфического документа, скорее всего, следует понимать как свидетельство об окончательном решении вопроса о передаче власти понтийскому царю. Против такого поворота событий, как известно, выступили скифы во главе с Савмаком; в результате поднятого ими восстания Перисад был убит, Диофанту же удалось спастись на херсонесском корабле. Собрав силы, понтийский полководец начал карательную экспедицию, «взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания

варианты интерпретации текста, А.И. Немировский обратил внимание, что в декрете чувствуется не один Диофант, но также и Митридат VI Евпатор. На этом основании он заключил, что именно понтийский царь был воспитанником Перисада, на что косвенно указывают некоторые детали его биографии [Немировский, 1978, с. 67 сл.]. Идея А.И. Немировского нашла поддержку у С.Ю. Сапрыкина [1996, с. 143–145]. Как видим, мнения учёных по рассматриваемому вопросу расходятся, но критики гипотезы С.А. Жебелёва при всех различиях их трактовок едины в одном – выступление Савмака нельзя рассматривать как рабское восстание [см.: Rubinsohn, 1980; Молев, 2013].

Ю.Г. Виноградов видел в этих событиях дворцовый переворот, осуществлённый полуварварской верхушкой Боспорского царства [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 79-80, 86], а А.К. Гаврилов – вторжение на территорию Боспора крымских скифов во главе с Савмаком [Гаврилов, 1992, с. 71-72]. Последняя точка зрения, выделяясь новизной и определённой смелостью постановки вопроса, всё-таки не представляется убедительной. С имеющимися материалами больше согласуется представление о восстании Савмака как о попытке скифов удержать Боспорское царство в орбите своего влияния и, возможно, втянуть его в борьбу с Херсонесом, что могло бы стать последним шагом практически к полной деэллинизации Боспора. Следует особо подчеркнуть, что эти события никак нельзя считать случайными, связанными с действиями только скифского царевича-авантюриста, напротив, они стали закономерным следствием боспоро-скифского сближения, о котором речь шла выше. Иными словами, вполне можно полагать, что поражение Савмака и, соответственно, включение Боспора в состав державы Митридата означали поражение «скифской партии» в составе боспорской элиты. Признание этого факта, однако, совсем не означает, что подчинение Понту устраивало всех боспорян [Молев, 2013, с. 11]. Ситуация явно была более сложной.

Имеющиеся источники позволяют предполагать, что главными противниками Митридата VI Евпатора в борьбе за власть над Боспором были, с одной стороны, крымские скифы, а с другой – обитатели северо-западного Кавказа: ахейцы, зиги и гениохи. Над последними, как представляется, одержал две победы понтийский полководец Неоптолем [Виноградов, 2001г; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 131–134]. Можно даже считать, что и с теми, и с другими понтийскому царю пришлось столкнуться неоднократно (см. ниже).

Подчинение Боспорского царства Митридату VI Евпатору было важным этапом на пути создания его Всепонтийской державы, в которой Чёрное море стало фактически внутренним. Включение античных государств Северного Причерноморья в единую державу было выгодно не только Митридату, поначалу оно казалось спасительным и для эллинов этого региона и, безусловно, нашло здесь поддержку [см.: Шелов, 1983, с. 41 сл.; 1985, с. 560 сл.]. Однако филэллинство Митридата этого времени, конечно, не было актом чистого альтруизма. Планы его шли дальше, и в них столкновение с Римом было неизбежно. Понтийская держава была создана к началу Первой

1932, p. 232; ср.: Molev, 2009, p. 326]. Иными словами, Боспор стал тем центром, вокруг которого владыка Понта стремился консолидировать местные силы для вовлечения их в борьбу с Римом [Каллистов, 1938а, с. 280]. Несмотря на то, что Херсонес и Ольвия в рамках этого образования имели определённую автономию, могли чеканить монету и т.д., в этом заключении М.И. Ростовцева есть немалый исторический смысл – Боспор стал той ключевой точкой, опираясь на которую, Митридат мог наилучшим образом контролировать материальные и людские ресурсы региона. Крым и Таманский полуостров в совокупности платили царю дань в размере 180 тыс. медимнов хлеба и 200 талантов серебра (*Strab.* VII. 4.6).

Как уже неоднократно говорилось, подчиняя греческие государства Северного Причерноморья, Митридат активно использовал филэллинскую идею, выступая защитником античных центров против варварской угрозы. Как уже было сказано, греки Боспора Киммерийского, скорее всего, охотно приняли покровительство понтийского царя [Шелов, 1983, с. 43]. Можно предполагать, что их материальное положение на начальном этапе даже улучшилось: непосильные поборы варваров были ликвидированы, а дань, наложенную Митридатом, нельзя считать слишком обременительной [Шелов, 1978, с. 57; Molev, 2009, p. 325]. Д.Б. Шелов отмечал: в это время резко улучшилось качество выпускаемых боспорских монет, что было возможным только в условиях улучшения экономической ситуации на Боспоре [Шелов, 1983, с. 46]. Показательно, что владыка Понта позволил двум боспорским городам, Фанагории и Гермонассе, выпускать собственную монету. Наиболее вероятно, что за этим фактом следует усматривать не свидетельство дарования им реальной полисной автономии, а демонстрацию стремления властей придать вид автономии местным греческим городам. Д.Б. Шелов с полным основанием назвал эту чеканку «квазиавтономной» [Шелов, 1983, с. 47]. В целом, вряд ли можно сомневаться в том, что Боспор достаточно жёстко контролировался царской администрацией, только такой контроль мог обеспечить Митридату надёжную базу в планировавшейся им борьбе с Римом за гегемонию в античном мире. У нас нет источников относительно того, насколько такая политика владыки Понта импонировала интересам боспорской элиты, но небольшая серия перстней с изображением Митридата, происходящая с Боспора, в этом отношении весьма показательна [Неверов, 1976, с. 176-177]¹. По всей видимости, можно считать, что на этом этапе «понтийская партия» полностью поддерживала действия царя, а вот сторонники «скифской партии» вряд ли были вполне удовлетворены своим новым положением.

По мнению С.Ю. Сапрыкина, Митридат Евпатор стал создавать на Боспоре систему военно-земледельческих поселений типа катойкий, заселяя их выходцами из

¹ О перстнях с изображением Митридата имеется одно любопытное свидетельство Афиня. По его словам, афинский посол к Митридату вернулся в родной город, имея перстень с «ликом царя» на руке. Он был принят народом с ликованием и назначен на высокую государственную должность (*Athen. Deipn.* V. 49).

местных племён, которые были лояльны к царю [Сапрыкин, 1996, с. 276]. Вряд ли это мероприятие нашло полное понимание во всех слоях боспорской элиты. Антимитридатовские группировки на Боспоре, безусловно, существовали, и они были готовы воспользоваться в своих интересах любыми изменениями военно-политической ситуации, вызванными поражениями понтийских войск. В этом отношении совсем не удивительно, что неудачный ход военных действий уже во время Первой Митридатовой войны привёл к попытке отделения Боспора от державы Митридата (*App. Mithr.* 64). Для того чтобы восстановить власть, царь готовил против боспорян большой флот и огромное войско; размах приготовлений был столь велик, что у римлян даже возникли подозрения в том, что всё это собирается не для похода на Боспор Киммерийский, а против Рима (*Cicero. De Imp. Gn. Pomp.* IV. 9; *App. Mithr.* 64). Данное обстоятельство, собственно, и стало поводом для начала Второй Митридатовой войны, а карательная экспедиция на Боспор, как известно, состоялась уже после её завершения (*App. Mithr.* 67).

О боевых действиях этой кампании мы знаем очень немного. Аппиан сообщает лишь то, что тогда был предпринят поход против ахейцев, который оказался очень неудачным. Потеряв две трети войска (конечно, экспедиционного корпуса, а не всей своей армии) из-за боёв и тяжёлого климата, Митридат вынужден был вернуться (*App. Mithr.* 67). Позднее, как представляется, был предпринят ещё один поход, и ахейцы были подчинены понтийскому царю, поскольку во время Третьей Митридатовой войны они упомянуты в составе его войска (*App. Mithr.* 69).

Есть основания предполагать, что в это же время Митридату на Боспоре пришлось бороться ещё с одним варварским объединением, скорее всего, скифами. Среди эпиграфических памятников, найденных в последние годы на античных памятниках Восточного Крыма, имеется один любопытный документ – каменная база бронзовой статуи Митридата, обнаруженная на некрополе Нимфея. На базе была начертана надпись с благодарностью за победу [Виноградов, Молев, Толстиков, 1985, с. 595 сл.; Яйленко, 1985б, с. 618 сл.; Сапрыкин, 1996, с. 149 сл.; Молев, 1999б]. Победа, разумеется, была одержана над варварами и, если судить по некоторым деталям надписи, после Первой Митридатовой войны. Е.А. Молев связывает установление статуи в Нимфее с победой над Савмаком и датирует ее 106–102 гг. до н.э. [Молев, 1999б, с. 87–88, 91]. В тексте надписи, однако, имеются важные детали, позволяющие усомниться в этом, – Митридат в ней имеет эпитет «Дионис» и титул «царь царей». Исследователи справедливо указывали на то, что в делосских посвящениях Митридат стал именоваться Дионисом после 102 г. до н.э. [Виноградов, Молев, Толстиков. 1985, с. 596; Сапрыкин, 1996, с. 150; ср.: Молев, 1999б, с. 88], а титул «царь царей» мог носить в промежутке 89–88 – 85 гг. до н.э. [Виноградов, Молев, Толстиков, 1985, с. 598; Сапрыкин, 1996, с. 149–150]. Таким образом, есть веские основания полагать, что какая-то важная победа над варварами была одержана на Боспоре после восстания Савмака и даже после завершения Первой Митридатовой войны.

С.Ю. Сапрыкин считает, что тогда победили сарматов [Сапрыкин, 1996, с. 150], а В.П. Яйленко полагает, что это были скифы [Яйленко, 1985б, с. 618]. Логичней представляется вторая точка зрения, поскольку возведение памятника победе Митридата над какими-то другими варварами (сарматами или т.п.) на Европейском Боспоре кажется не вполне логичным, а вот в контексте победы над крымскими скифами такой монумент кажется абсолютно уместным.

В свете изложенного очень вероятным представляется, что попытка боспорян выйти из состава Понтийской державы после поражений Митридата в Первой войне с Римом была связана не с позицией греческих городов, а некоторых из местных варварских племён и, вероятно, той части боспорской элиты, которая была с ними тесно связана. Д.Б. Шелов, на наш взгляд, был в полной мере прав, когда указывал, что тяготы войны для боспорских греков тогда ещё не стали слишком обременительными, и, в конечном итоге, здесь всё зависело от реакции на известия о неудачах царя какой-то части варваров [Шелов, 1978, с. 56; 1983, с. 53], которые, по его мнению, могли быть недовольными действиями царской администрации [Шелов, 1978, с. 58]. Последнее предположение, на наш взгляд, недостаточно, поскольку есть основания предполагать, что на Боспоре в это время разыгрались гораздо более серьёзные события. Как представляется, часть варваров, возможно, при поддержке определённых кругов боспорской знати, воспользовавшись благоприятной ситуацией, попыталась восстановить здесь свои утерянные позиции. По всей видимости, и на этот раз инициатива исходила прежде всего от скифов и ахейцев, которые, как говорилось выше, боролись против установления власти Митридата над Боспором Киммерийским, были разгромлены понтийскими войсками, но о былом влиянии в районе пролива не забыли и мечтали о его возвращении.

Восстановив свою власть над Боспором, Митридат назначил здесь правителем своего сына Махара (*App. Mithr.* 67). Показательно, что почти одновременно с этим событием, в 80-х гг., прекратилась «квазиавтономная» чеканка боспорских городов, что может указывать на то, что Митридат к этому времени прекратил разыгрывать роль защитника эллинских свобод [Шелов, 1978, с. 65], и это никак не могло понравиться значительной части боспорской элиты. Определяя территориальные границы владений Махара, В.Ф. Гайдукевич полагал, что ему был подчинён не только Боспор, но и все другие греческие центры Северного Причерноморья [Гайдукевич, 1949, с. 305], что, очевидно, следует принимать с определёнными оговорками. Конечно, Махар не был царём Боспора и тем более всего Северного Причерноморья, а являлся наместником, управлявшим от имени царя, но роль его в политической системе региона была очень существенной [Molev, 2009, p. 326].

Поражения, нанесённые Митридату Лукуллом во время Третьей войны, привели к тому, что Махар осознал безнадёжность дальнейшей борьбы и решился на измену. Он направил к римскому полководцу посольство, даровал ему золотой венок и заключил дружбу (*App. Mithr.* 83; *Plut. Luc.* 24; *Liv. Per.* 98), римлянам были на-

правлены также запасы продовольствия, подготовленные для нужд войск Митридата (Метн. 54. 1).

Несмотря на это, царь Понта, окончательно разбитый Помпеем в Малой Азии, отнюдь не отказался от борьбы. Как известно, он задумал дерзкий план похода на Рим с востока, для выполнения которого, прежде всего, было необходимо напасть на Боспор и вернуть себе власть над страной, где правил Махар (App. Mithr. 101). Совершив рискованный переход через Кавказ, Митридат заключил союз со всеми вождями меотских племён, отдав замуж за наиболее могущественных из них своих дочерей (App. Mithr. 102). Вряд ли можно согласиться с заключением Г. Бенгтсона, что «своим авантюрным бегством в Пантикапей» понтийский царь сам исключил себя из мировой политики [Бенгтсон, 1982, с. 321; ср.: Нøjте, 2009, р. 121]. Наоборот, этим отчаянным шагом Митридат попытался сохранить себя в мировой политике, использовать свой последний шанс в борьбе с могучим противником.

Махар, узнав о том, что отец проделал огромный путь в столь короткое время и, очевидно, этого не ожидавший, не предпринял никаких попыток сопротивления, хотел даже перед ним оправдаться. Всё, однако, было напрасно. В конце концов Махар был вынужден бежать в Херсонес, а для того, чтобы избежать преследования, сжечь корабли. Эта предосторожность оказалась напрасной, у Митридата нашлись другие корабли, в такой абсолютно безнадёжной ситуации Махар принял решение покончить жизнь самоубийством (App. Mithr. 102). Д.Б. Шелов считал, что царевич бежал не в город Херсонес, а на полуостров (Херсонес), иными словами, путь его пролегал из азиатской части Боспора, где, возможно, находилась ставка Махара, на европейскую, скорей всего, в Пантикапей, там он и покончил жизнь самоубийством [Шелов, 1978, с. 71-72]. Основной центр власти понтийского царя, так сказать, его столица в это время, вероятно, находилась на Таманском полуострове, ближе к территориям главных союзников – меото-сарматских племён Прикубанья. В.П. Яйленко считает, что это была Фанагория [Яйленко, 1990в, с. 131], где и позднее находилась резиденция царских сыновей и дочерей (App. Mithr. 108).

Д.Б. Шелов предполагал также, что измена Махара ещё не отражала господствующих настроений на Боспоре, который, в целом, оставался верным понтийскому царю [Шелов, 1978, с. 71; 1985, с. 569]. Однако антимиридатовские настроения в это время, по всей видимости, были уже весьма сильны, более того, они выразились в действиях. По свидетельству Аппиана, царь «захватил Пантикапей» (App. Mithr. 107), а его военачальники – другие укрепленные места (App. Mithr. 108). На основании этих свидетельств следует считать, что Митридат восстановил свою власть над Боспором силой оружия [Каллистов, 1938а, с. 282; Гайдукевич, 1949, с. 308; Блаватский, 1964а, с. 128]. Археологические материалы также могут поддержать данную точку зрения [см.: Масленников, 1998, с. 216].

Признавая бесспорность фактов разрушений боспорских поселений, имевших место во время борьбы Митридата за восстановление своей власти в этом районе, необходимо, конечно, чётко осознавать, что он прибыл сюда не только для того, что-

бы покарать изменников, и даже прежде всего не для этого. В первую очередь, его захватывали идеи дальнейшей борьбы с Римом, а для этого нужно было не только карать, но и созидать. Положение великого царя, однако, становилось всё более критическим. Помпей, узнав о переходе Митридата на Боспор, отказался от его преследования, но организовал плотную морскую блокаду района (*Dio Cass.* XXXVII. 2-3; *Plut.* Pomp. 39). В такой ситуации владыка Понта, уже практически потерявший свою державу, вынужден был вступить в переговоры с римским полководцем. Помпей по существу потребовал от Митридата капитуляции, а также его личной явки к римлянам. Царь на это пойти не мог, но, не отказавшись от дипломатических контактов, обещал послать к Помпею кого-нибудь из сыновей (*App.* Mithr. 107). Несмотря на тяжелейшие обстоятельства, он по-прежнему считал, что для него нет ничего невозможного (*Dio Cass.* XXXVII. 11.2). Митридат ускоренными темпами готовился к задуманному походу на Рим, «он спешно стал собирать войско из свободных и рабов, приготовил много оружия и копий и военных машин, не щадя ни лесу, ни рабочих быков для изготовления тетив (из их жил), и на всех наложил налоги, даже на крайне маломощных» (*App.* Mithr. 107, перев. С.П.Кондратьева).

Все эти чрезвычайные меры, усугублённые злоупотреблениями царской администрации (*App.* Mithr. 107), а также римской блокадой, вызвали огромное недовольство боспорян. Между тем, для планируемого похода стали собираться необходимые силы – 60 отборных отрядов по 600 человек в каждом и много другого войска². Часть этого войска была послана из Пантикапея в Фанагорию, чтобы ещё больше укрепить контроль над проливом (*App.* Mithr. 108). Положение на Боспоре, однако, стало не просто критическим, а взрывоопасным. Любопытно, что именно в Фанагории, куда был направлен царский отряд, и вспыхнуло антимиридатовское восстание, к которому призвал горожан фанагориец Кастор. Повстанцы обложили дровами ту часть города, где находились сыновья и дочери Митридата, и подожгли его. Почти все царские дети сдались в плен, лишь царица Клеопатра оказала сопротивление, и отец сумел спасти её на специально посланном корабле (*App.* Mithr. 108).

После этих событий от Митридата отказались Херсонес, Феодосия, Нимфей и все другие города по берегу Понта. Только в такой ситуации великий царь решил обратиться к скифам, прося их как можно скорей прибыть к нему с войском. Тогда к скифским владыкам были посланы дочери Митридата, но отряд, который сопровождал девушек, взбунтовался, и они оказались в руках Помпея (*App.* Mithr. 108; ср.: *Dio Cass.* XXXVII. 11. 4). Уже практически потеряв царство и не рассчитывая больше на поддержку скифов, Митридат всё ещё надеялся на продолжение борьбы с Римом, он считал возможным совершить поход в Италию при поддержке кельтов, с которыми давно заключил союз и поддерживал дружбу. Но и царское войско в это время заколебалось (*App.* Mithr. 109).

² Об этих отрядах, а точнее, об одной археологической концепции, связанной с интерпретацией этого исторического факта, см. главу 4.3.

Мордвинцева, 2003, с. 97-98; Бруяко, 2005/2009, с. 344-345; Зайцев, 2007; 2012а; 2012б; Раев, Симоненко, 2007]. С.В. Полин более двадцати лет назад заявил, что «представляется заманчивым» связывать эти комплексы с Митридатовыми войнами [Полин, 1992, с. 65]. А.В. Симоненко, развивая эту идею, пришёл к выводу, что «странные» комплексы являются свидетельством краткого пребывания в Северном Причерноморье сарматов и меотов в составе войска союзников понтийского царя во время Третьей Митридатовой войны [Симоненко, 2001, с. 96; 2010, с. 191; 2012, с. 81; Редина, Симоненко, 2002, с. 86]. По мысли исследователя, сармато-меотские контингенты были сконцентрированы в Северо-Западном Причерноморье для запланированного Митридатом, но так и не состоявшегося похода на Рим через Фракию (см. выше).

Эта гипотеза, с одной стороны, очень соблазнительна, а с другой – вызывает немалые сомнения. Всё-таки трудно поверить, что войска, пусть довольно многочисленные, на очень короткое время собранные где-то в Северо-Западном Причерноморье, сумели оставить такой большой след в археологии припонтийских степей. «Странные» комплексы к тому же датируются в весьма широких временных пределах. Изучение происходящей из них импортной античной керамики заставляет считать, что эти комплексы относятся к III – первой половине II вв. до н.э., а значит, приходится признать, что гипотеза об их связи с событиями Митридатовой войны 70–60-х гг. до н.э. несостоятельна [Зайцев, 2012а, с. 65].

Что касается Боспора, то элитным погребальным памятникам этого времени в научной литературе уделено не очень много внимания. Сложилась ситуация, которую вполне можно назвать парадоксальной, – истории Митридата VI Евпатора посвящены монографии, в них собраны все сведения письменной традиции и данные археологии, которые дают информацию об этом времени, прежде всего, о войнах с Римом, но при этом не выделено ни единого погребального комплекса на Боспоре, который можно было бы назвать погребением воина митридатовской армии. Такие комплексы, однако, есть, и они известны давно, можно даже говорить об их общеизвестности, но, как это часто бывает, общеизвестность совсем не означает должной изученности памятников.

Первым среди них следует назвать *курган Кара-Оба*, расположенный в окрестностях Керчи, в 2,5 км на северо-запад от Куль-Обы при выходе в открытую степь. Положение памятника, надо признать, в высшей степени показательное. Этот хорошо известный курган является самым грандиозным на Керченском полуострове, высота его на момент раскопок достигала 25,6 м, а диаметр насыпи – около 120 м (рис. 101). Масштабность памятника ещё более усиливалась от того, что он был насыпан на одной из вершин холмистой гряды, уходящей в глубь Керченского полуострова. Курган раскапывался А.Е. Люценко во второй половине XIX в. [рис. 102; ОАК за 1859, с. XI; 1860, с. VI; 1861, с. V; Виноградов, 2012а, с. 40-41; Стоянов, 2014]. Уже тогда была выяснена одна любопытная особенность конструкции кургана, заключающаяся в наличии здесь двух мощных каменных крепид. Исследования, проводившиеся в

60-х гг. XX в. под руководством П.Н. Шульца, полностью подтвердили это наблюдение, но почти ничего не дали для его понимания. Кара-Оба – действительно уникальный памятник Боспора не только по причине наличия двух крепид, но и потому, что он, скорей всего, имел форму ступенчатого конуса [Шульц, 1968, с. 143; 1971, с. 59-60]. Сделанные при раскопках находки позволяют считать, что курган был сооружён во II в. до н.э., может быть, даже во второй его половине [Шульц, 1971, с. 62]. Что же стало причиной сооружения в это время в столь любопытном в топографическом отношении месте такого необычного по своей конструкции кургана?

Несмотря на то, что памятник до сих пор полностью не исследован, предположение о том, что здесь был погребён боспорский царь [см.: Шульц, 1971, с. 62], вызывает очень большие сомнения. Кара-Оба, как представляется, имела совсем иное предназначение. Для понимания этого памятника, на наш взгляд, очень большое значение имеет могила, обнаруженная А.Е. Люценко под насыпью на скале. Она была заполнена человеческими костями, по определению автора раскопок, как бы изрубленными на части, что дало ему основание предположить, что курган был насыпан в честь битвы, происшедшей поблизости [см.: Шульц, 1971, с. 56-57; Виноградов, 2012а, с. 41; Стоянов, 2014, с. 626].

А.Н. Щеглов в своё время сопоставил Кара-Обу с памятником, весьма отдалённым от Боспора, но типологически ему очень близким, Шверинским курганом, расположенным в ближайших окрестностях Херсонеса. Обращает на себя внимание, что и этот памятник выделялся очень большими размерами и необычной, конусовидной формой насыпи. При раскопках здесь были обнаружены две каменные крепиды, а между ними – бронзовый сосуд, заполненный черной массой, вероятно, сожженным прахом покойного (покойных?), который был полит благовониями. Местные жители утверждали, что в окрестностях кургана они находили человеческие черепа [Юргевич, 1875; о кургане см.: Stoyanov, 2009]. В устной форме А.Н. Щеглов неоднократно высказывал предположение, что сходство Кара-Обы и Шверинского кургана не случайно. Эти памятники, по его мнению, представляют собой памятники мемориального характера, связанные, скорей всего, с военными победами войск Митридата под Херсонесом и на Боспоре в конце II в. до н.э. Иными словами, они должны были увековечить память о подвигах понтийских воинов в сражениях со скифами, победы над которыми, как было сказано выше, стали важными событиями в завершении создания Черноморской державы Митридата. Данная трактовка, на наш взгляд, представляется очень вероятной [Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 134-135; ср.: Стоянов, 2014, с. 629].

Другие памятники, которые представляется возможным связать с Митридадовыми войнами, расположены на азиатской стороне Боспора. Из них в первую очередь следует назвать так называемый Ахтанизовский клад [ОАК за 1900 г., с. 104 сл.; Спицын, 1909, с. 19 сл.; Ростовцев, 1925, с. 555-557; Мордвинцева, Трейстер, 2007, Кат. № В1; Власова, 2009; 2010, с. 254; Виноградов, 2012а, с. 236-237]. Он был обнаружен в 1900 г. при случайных обстоятельствах, часть инвентаря была расхищена, керамика

и другие малоценные для раскопщиков предметы просто уничтожены. Несмотря на это, известно, что здесь была открыта плитовая гробница, которая как будто была пустой; все находки происходили из углубления в материке к северу от неё. Из предметов этого клада можно выделить бронзовый кованый шлем [рис. 103, 4; Алексинский, 2013, с. 67], набор серебряных блях, украшавших конскую сбрую [рис. 103, 1], три шейные гривны, серебряные и стеклянные сосуды, золотую фибулу с хрустальной пронизью в центре, золотые фибулы с резными сердоликами, 27 тиснёных золотых нашивных бляшек и пр. Среди последних – 5 с изображением восьмиконечной лучевой розетки и, по всей видимости, 3 в виде полумесяца [рис. 103, 3, 4].

М.И. Ростовцев считал, что дату Ахтанизовского клада нельзя опускать ниже I в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 557]. М. Пфроммер склонен датировать комплекс поздним III – ранним II вв. до н.э. [Pfrommer, 1987, S. 70]. Такое расхождение хронологической атрибуции этого памятника можно объяснять его неоднородностью, наличием здесь разновременного инвентаря, а также неопределённостью датировок некоторых его категорий. Так, хрестоматийно известные фалары с изображением головы горгоны Медузы (рис. 103, 1) К.С. Горбунова и И.И. Саверкина относили к I в. до н.э. [Горбунова, Саверкина, 1975, кат. 101], М. Пфроммер – приблизительно к 200 г. до н.э. [Pfrommer, 1993, p. 9], а В.И. Мордвинцева датирует их концом III – первой половиной II вв. до н.э. [Mordvinceva, 1999, S. 72]. Отметим также, что К.В. Тревер находила аналогии ряду находок из клада среди греко-бактрийских древностей II в. до н.э. [Тревер, 1940, с. 51].

Бронзовый шлем из Ахтанизовского клада (рис. 103, 4) различные исследователи тоже датируют по-разному: не позднее I в. до н.э. [Рабинович, 1941, с. 160, 162], вторая половина II в. до н.э. [Dintsis, 1986, S. 77 ff., Veil. 5], не ранее второй половины – конца III в. до н.э. [Алексинский, 2013, с. 67]. Более определённую дату даёт стеклянный канфар – середина II в. до н.э. [Засецкая, Марченко, 1995, с. 99; Кунина, 1997, с. 75, рис. 36; 259, № 59].

И.П. Засецкая и И.И. Марченко относят Ахтанизовский клад к третьей четверти II в. до н.э. [1995, с. 99], но ближе к истине, на наш взгляд, М.И. Максимова, которая датировала его последними годами II в. до н.э. [Максимова, 1969, с. 58]. М.И. Ростовцев обратил внимание на наличие в комплексе бляшек с митридатовской звездой (рис. 103, 2) и на этом основании посчитал, что дату клада нельзя опускать ниже I в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 557]. На самом же деле эту звезду на круглой бляшке, скорей, надо признать не митридатовской, а македонской, ставшей эмблемой династии Аргеадов [см.: Treasures, (1978), p. 36, pl. 5, cat. 28; Andronicos, 1984, p. 178-179, fig. 143-144; 1994, p. 27, fig. 4; Tsibidou-Avloniti, 1995, p. 217, cat. 256], о чём уже немало было сказано выше [см. главу 2.7, 2.11]. Тем не менее, на этих предметах из Ахтанизовского клада следует остановиться особо. Дело в том, что в комплексе, по всей видимости, имеются не только бляшки с оттиснутой на них восьмилучевой звездой, но и бляшки в форме полумесяца (рис. 103, 3). Некоторые исследователи высказывали сомнение в их принадлежности к Ахтанизовке [ОАК за 1900 г., с. 109;

Власова, 2009, с. 66], но, как представляется, эти сомнения напрасны [Ростовцев, 1925, с. 557]³. С.Ю. Сапрыкин весьма остроумно поставил эти две бляшки вместе [Сапрыкин, 1983, с. 70], в результате такого соединения очевидно, что вместе они составляют звезду с полумесяцем, т.е. знак, ставший важным символом государства Понт. В данном случае не имеет принципиального значения трактовка этого знака как эмблемы Митридатидов [Price, 1968, p. 3], или как герба Понтийского государства [Kleiner, 1953, S. 82; Sumerer, 1995, S. 305]. Впервые этот символ появился на монетах Митридата III (220–190 гг. до н.э.) [Sumerer, 1995, S. 305], считается при этом, что в нём нашла отражение иранская религиозная идея, связанная с представлениями о борьбе и победе светлого над тёмным [Сапрыкин, 1983, с. 70–72; 1996, с. 65]. Трудно сказать, могла ли повлиять на сложение этой эмблемы звезда династии Аргеадов. Другое дело, что ахтанизовские круглые бляшки, как уже частично говорилось, являются близкой копией македонских круглых бляшек с оттиснутой на них восьмилучевой звездой. Не случайно, на наш взгляд, звезда и полумесяц не были оттиснуты на одной бляшке, хотя сделать это совсем не трудно. Этот пример, как представляется, позволяет предполагать, что с помощью двух золотых бляшек действительно была смоделирована митридатовская эмблема, вот только звезда для неё была взята из арсенала старых, укоренившихся на Боспоре символов, восходящих к македонской царской традиции.

М.И. Ростовцев сближал Ахтанизовский клад с погребением, раскопанным у станции Старо-Титоровской в 1845 г. [Ростовцев, 1925, с. 557-558], и это сближение, безусловно, имеет немалый смысл, несмотря на определенный хронологический разрыв между двумя памятниками.

В кургане около станции Старо-Титоровской было открыто весьма любопытное впускное погребение воина [Карейша, 1846, с. 305-306; ДБК, с. LVI сл.; Гёрц, 1898б, с. 24-25]. Курган имел 32 м в диаметре (его высота остаётся не известной); в центре насыпи, на глубине около 2,9 м от поверхности был обнаружен слой морской травы (камки), под которым находился деревянный гроб, содержащий человеческий костяк с разнообразным погребальным инвентарём. В его составе представлены: шлем, меч, кинжал, бронзовые сосуды, стеклянный сосуд, два серебряных фалара, застежка с резным камнем и пр.

Стеклянный скифос, обнаруженный здесь, а точнее, появление стеклянных сосудов этого типа, И.П. Засецкая и И.И. Марченко датируют концом II в. до н.э. [1995, с. 96], Н.З. Кунина относит этот скифос к концу II – началу I вв. до н.э. [1997, с. 75, рис. 37; 259, № 57]. Фибула-медальон с изображением богини с ветвями, происходящая из погребения [ДБК, Табл. XXIV, 10], относится к I в. до н.э. – I в. н.э. [Художественное ремесло, 1980, с. 51, № 151]. На основании этих находок комплекс

³ У сарматских племён Прикубанья золотые бляшки такой формы появляются именно в I в. до н.э., И.И. Марченко называет их серповидными [Марченко, 1996, с. 128, 141, 227, табл. 7, 33–36; с. 230, рис. 11].

условно датируют I в. до н.э. [Засецкая, Марченко, 1995, с. 96], и, как представляется, эта датировка вполне приемлема.

Есть основания полагать, что у Ахтанизовского лимана и под Старо-Титоровской были погребены воины, которые сражались в составе войск Митридата Евпатора и получили от царя богатые дары. Царскими дарами некоторые учёные признают серебряные фалары, фибулы-медальоны и дорогие стеклянные сосуды [Щукин, 1994, с. 151; Марченко, 1996, с. 128; Mordvinceva, 2001, S. 36]. В обоих случаях этот набор присутствует. Хронологический разрыв между комплексами позволяет считать, что Ахтанизовка, скорее всего, относится к начальному периоду владычества понтийского царя на Боспоре, а Старо-Титоровка – к его завершению. На наш взгляд, совсем не случайно и расположение обоих памятников на азиатской стороне Боспора, поскольку, как говорилось выше, с варварскими племенами этого района Митридат наладил самые тесные связи.

4.4. Элита Боспора и Митридат Евпатор

Боспор, как уже неоднократно говорилось, играл очень важную, можно сказать, ключевую роль в системе взаимоотношений владыки Понта с миром греков и варваров Северного Причерноморья. В связи с этим, правда, следует ещё раз задаться другим вопросом: сумел ли Митридат VI Евпатор сплотить все античные центры и все варварские племена для грандиозной борьбы против Рима, а значит, удалось ли ему обеспечить себе надёжный источник пополнения войск за счёт местных контингентов? Сумел ли он, в частности, сплотить элиту Боспора в борьбе против могучего противника? На оба вопроса, очевидно, следует дать отрицательный ответ – в полной мере это ему не удалось [Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 148].

Д.П. Каллистов в своё время справедливо отмечал, что выступление Митридата в Северном Причерноморье совпало с периодом острого кризиса, при этом понтийский царь начал свою борьбу здесь с войны против варваров, выступая в защиту эллинских свобод, а закончил политикой союзов с варварскими династиями, вербовкой в армию рабов и пиратов [Каллистов, 1938а, с. 281]. Причиной поражений Митридата, по выражению исследователя, было не сомнительное военное превосходство римлян, а внутренний крах митридатовской политики, – попытка найти опору на двух враждующих силах (греческих городах и варварских племенах) окончилась полной неудачей. Слава имени Митридата, по мнению Д.П. Каллистова, заключается в том, что на последнем этапе борьбы он повернул политику в сторону варваров, то есть тех, «за кем было историческое будущее» [Каллистов, 1938а, с. 285].

Какое «историческое будущее» было за варварскими народами Северного Причерноморья, Д.П. Каллистов не объяснил. Вопрос о том, насколько перспективен был поворот митридатовской политики в этом направлении, его как будто

вообще не интересовал, а вот тезис о бесперспективности поиска опоры на двух враждебных силах представляется нам вполне верным. Эта враждебность нашла самое непосредственное отражение на ситуации в боспорской элите, политические и экономические устремления которой в это время, как представляется, были далеко не едины. Несомненно, какой-то её части импонировали эллинофильские заверения Митридата, другие же стремились к сохранению своих позиций в рамках союза с теми или иными варварскими группировками.

Представляется возможным признать, что даже выдающейся личности Митридата Евпатора не удалось консолидировать нестабильный мир варваров Северного Причерноморья. Разумеется, в данном случае речь не идёт об отдельных территориях, к примеру, Подонье-Прикубанье, где положение царя, по всей видимости, всегда было достаточно прочным. Можно допустить, конечно, что поначалу, после побед Диофанта и Неоптолема, все местные царьки заявили о своей дружбе и верности понтийскому царю. Ход войны с Римом, да и развитие межплеменных отношений на северном берегу Чёрного моря, однако, постоянно подтачивали основы этого непрочного союза, который быстро стал давать трещины в весьма существенных его составляющих, прежде всего в Крымской Скифии. При таком положении, как представляется, владыке Понта было очень трудно рассчитывать на успех в борьбе с Римом. Декларации о митридатовских победах над доселе непобедимыми скифами, активно использовавшиеся понтийской дипломатией [Хайнен, 1993, с. 27; McGing, 1986, p. 104 ff.], на практике оказались лишь словесными конструкциями. Пропагандистские декларации оказались весьма далёкими от реальности, и победа над Малой Скифией, как видим, не обеспечила победы над Великим Римом.

В очередной раз приходится признать, что археологические источники рисуют нам ситуацию в европейской и азиатской частях Боспора, каковой она сложилась при Митридате, совсем по-разному. На Керченском полуострове к этому времени мы склонны относить грандиозный курган Кара-Оба, возведение которого представляется возможным связывать с победой понтийских войск над крымскими скифами. Подобным образом следует трактовать и основание его скульптуры, обнаруженное в Нимфее. Иными словами, в этой части ставились памятники митридатovým победам над «непобедимыми» скифами, но, с другой стороны, эти памятники знаменовали собой и поражение «скифской партии» боспорской элиты, и антимитридатовские настроения в её среде, надо думать, не затихали никогда. На наш взгляд, совсем не случайно Боспор отпал от Понтийской державы уже в ходе Первой Митридатовой войны.

На азиатской стороне Боспора представлены археологические памятники совсем другого рода. Это памятники аристократической воинской культуры: Ахтанизовский клад и погребение у Старо-Титоровки. Именно они позволяют нам хоть в минимальной степени представить состав армии Митридата, должным образом оценить значение формирований, состоящих из варваров Прикубанья, в её составе. Почти нет сомнения, что часть боспорской элиты, которая была ориен-

тирована на этот мир и в составе которой имелись выходцы из этой среды, всегда была лояльна к владыке Понта. Не случайно, что свою ставку на Боспоре он сделал не в Пантикапее, а в Фанагории. Правда, именно этот город первым поднял знамя восстания против Митридата, но это уже в немалой степени было связано с тяготами войны и ставшей понятной для многих безнадёжностью дальнейшей борьбы против Рима.

Трагизм положения эллинов Северного Причерноморья заключался в том, что они попытались спастись от варваров, защитить свою самобытность и право на самостоятельное развитие под властью азиатской державы, владыка которой использовал «панэллинскую» риторику, на словах выступая покровителем свободы, а на деле был готов пожертвовать и действительно жертвовал всем ради борьбы с Римом [ср.: Шелов, 1986, с. 41]. Выступление греков против Митридата на заключительном этапе его борьбы стало вполне закономерным. Сокрушив Митридата и Митридатидов, римляне «приняли от них эстафету покровительства причерноморским грекам и, по большому счёту, справились с этой задачей и успешней, и продуктивней» [Доманский, Фролов, 1995, с. 94]. Это верное заключение касается одной стороны проблемы, другая же, связанная с политикой понтийского царя по отношению к местному варварскому населению, представляется не менее любопытной.

Возвращаясь немного назад, можно признать, что Митридату действительно удалось создать «единый греко-варварский блок», но он просуществовал лишь до первых поражений владыки Понта. В ситуации начавшихся разочарований политикой Митридата всё острее стали проявляться противоречия, всегда существовавшие в мире варваров Северного Причерноморья, между отдельными племенами или их группировками. Эти противоречия понтийскому царю, скорей всего, удалось лишь временно сгладить, но отнюдь не ликвидировать. Столь же маловероятно, что ему удалось сплотить вокруг себя всю боспорскую элиту, убедить её в необходимости борьбы против Рима до победного конца. Если в этой сфере у него и был успех, то его следует считать сугубо временным. Часть боспорской элиты явно ориентировалась на скифов. В дальнейшем эти противоречия выплеснулись в события, связанные с борьбой за боспорский престол после гибели владыки Понта.

В заключение, отвечая на вопрос, поставленный в начале главы, следует признать, что надежды боспорской элиты на понтийского царя, обещавшего выступить защитником эллинства от варварского натиска, оказались напрасными. Сама логика развернувшейся борьбы с Римом требовала всё более активного привлечения к ней местных племён. Иными словами, в этом отношении результат был получен обратный желаемому. С другой стороны, приходится признать, что на Боспоре политика Митридата нашла немалое число сторонников, и фигура великого противника Рима была популярна среди отдельных слоёв местной знати даже через много десятилетий после его смерти [Неверов, 1968]. Традиции «ми-

(сарматы, которых по старой традиции именовали савроматами), скорее всего, в прилегающих к Крыму степях.

Асандр, поднимая восстание против Фарнака, имел в виду «угодить римлянам и получить от них власть на Боспоре» (*Dio Cass.* XLII. 46, 4; перев. В.В. Латышева), но он явно просчитался в своих расчётах. Юлий Цезарь решил наказать его, поскольку тот «оказался изменником другу (т.е. Фарнаку – Ю.В.)». Военная операция против Асандра была поручена верному стороннику Цезаря – Митридату Пергамскому (*Dio Cass.* XLII, 48, 1). Следует считать, что на Боспор он двинулся по суше и, проходя через Кавказ, разорил знаменитое святилище Левкотеи, по легенде построенное Фриksom (*Strab.* XI. 2, 17). Можно предполагать, что ему удалось захватить власть в Пантикапее, но ненадолго – Митридат был свергнут Асандром и, скорее всего, убит в 47 г. до н.э. (*Strab.* XIII. 4, 3), столь насыщенном событиями в боспорской истории [Гайдукевич, 1949, с. 313; Голубцова, 1951, с. 64; Сапрыкин, 2002, с. 55 сл.].

Асандр [о нём см.: Яйленко, 1987, с. 39–43], захвативший власть без согласия римлян и к тому же расправившийся с другом Цезаря, оказался в очень непростой ситуации. Однако Риму в то время, как представляется, было не до далёкого Боспора, и Асандр оказался единоличным правителем Боспорского царства. Он укрепил свою власть вступлением в брак с Динамией (дочкой Фарнака и внучкой Митридата Евпатора), а после смерти Цезаря сразу стал именовать себя царём. Вполне вероятно, что Асандр в борьбе против Фарнака вынужден был опереться на поддержку прикубанских племён, где позиции Митридата, как говорилось выше, были весьма прочны. Женитьба на Динамии ещё более должна была укрепить эту его ориентацию. Есть веские основания согласиться с С.Ю. Сапрыкиным и считать, что он продолжил политику «митридатизма», поддерживая созданную Митридатом на Боспоре систему военно-земледельческих поселений [Сапрыкин, 2002, с. 203 сл.]. В такой ситуации проникновение в элиту Боспорского государства выходцев из среды меотосарматов Прикубанья должно было закономерно возрасти.

Смерть Асандра приходится на 17 г. до н.э., при этом он скончался будучи человеком очень старым [см.: Гайдукевич, 1949, с. 315; Голубцова, 1951, с. 75 сл.; Сапрыкин, 2002, с. 95; Braund, 2004, р. 85]. По версии псевдо-Лукиана, в возрасте 90 лет Асандр никому не уступал ни в конном, ни в пешем бою, но когда он увидел, что во время сражения со Скрибонием, о котором речь пойдёт чуть ниже, его воины переходят на сторону врага, то уморил себя голодом (*Ps.-Luc. Macr.* 17).

После смерти Асандра, по словам Диона Кассия, на Боспоре «произошло восстание» (*Dio Cass.* LIV. 24, 4-7). Скрибоний [о нём см.: Braund, 2004], выдававший себя за внука Митридата и ставленника Августа, сделал попытку захватить власть в Боспорском царстве и даже женился на Динамии, т.е. супруге Асандра, которой тот завещал управление государством. Имя Скрибоний не греческое и не варварское, хотя тот и выдавал себя за внука Митридата, а римское, так что есть основания полагать, что он имел какую-то поддержку в Риме [Сапрыкин, 2002, с. 90-91, 95, прим. 9; Braund, 2004, р. 86], хотя и явно не в самых высоких кругах. Скрибоний

ствия Полемона, в основном, касались Азиатского Боспора. О подобных его действиях по отношению к Пантикапею или Феодосии мы ничего не знаем. Совсем не исключено, что политика Полемона, направленная на уничтожение митридатовского наследия, вызывала здесь решительное неприятие. Лишь с приходом к власти Аспурга на Боспоре утвердилось равновесие между проримской и митридатовской тенденциями в государственной политике [Сапрыкин, 2002, с. 125 сл., 234].

4.6. Элитные погребения постмитридатовского времени

Элитных курганных комплексов, которые можно было бы уверенно связывать со временем описанных выше событий боспорской истории, научный мир до недавнего времени не знал, хотя один такой комплекс был раскопан ещё более 140 лет назад, а другой – и того больше.

Первым из них является *открытие, сделанное на мысе Ак-Бурун в 1874 г.* Тогда без всякого археологического надзора в одном из курганов этого мыса была обнаружена небольшая каменная гробница, в которой находились два бронзовых сосуда. Один из них содержал перегоревшие кости животных, а второй – человеческий прах с набором весьма ценных вещей [ОАК за 1874 г., с. XXI-XXII]. Имеющиеся описания позволяют считать, что это погребение являлось типичной для античного мира кремацией, совершённой на стороне. После сожжения прах усопшего был собран в бронзовый сосуд (в другом сосуде, может быть, находились остатки сожжённых жертвенных животных) и помещён в небольшую могильную яму. По краям эта яма была обложена хорошо обработанными каменными плитами; перекрытие состояло из такой же каменной плиты. Подобные захоронения известны в некрополе Юз-Оба [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 132], никаких варварских влияний (погребения коней, оружие и украшения местных типов) здесь усмотреть невозможно.

Вещи, обнаруженные в одном из бронзовых сосудов,⁵ не без трудностей поступили в Императорский Эрмитаж, но, к сожалению, слишком долго оставались не опубликованными.

Всего в этот комплекс входило восемь предметов [ОАК за 1874 г., с. XXI-XXII; Ростовцев, 1925, с. 256; Виноградов, 2001в, с. 312]:

1. Золотая фибула с двумя жемчужинами.
2. Золотая застежка с круглой вставкой из стеклянной пасты.
3. Золотой наконечник, возможно, от ножен кинжала с филигранными украшениями, с гранатами и двумя изумрудами на каждой из двух сторон.
4. Золотая накладка (?) в виде двойной дужки.

⁵ Один бронзовый кувшин из ак-бурунского комплекса поступил в Керченский музей, и его рисунок хранится в научном архиве ИИМК РАН [см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 116, 220, рис. 82; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 41, рис. 23].

5,6. Пара золотых бусин филигранной работы.

7. Куски от золотого погребального венка.

8. Золотой статер Лисимаха.

Датировка данного археологического комплекса долгое время была весьма спорной, хотя основание для неё было вполне очевидно – монета царя Лисимаха (рис. 104, 1), который, как известно, погиб в сражении в 281 г. до н.э. Исходя из информации об этой находке, М.И. Ростовцев, явно не видевший вещей, обнаруженных в 1874 г., поначалу предполагал, что комплекс является ранним памятником распространения на Боспоре нового стиля в торевтике – полихромного [Ростовцев, 1925, с. 256], т.е., как можно полагать, относил его к III в. до н.э. Это предположение оказалось лишённым оснований по той причине, что монета Лисимаха была отчеканена в Византии, но, как показал А.Н. Зограф, ни один из лисимаховских выпусков этого города не относится ко времени жизни царя Фракии, все они чеканились после его смерти – с середины III в. до н.э. по время Митридата Евпатора [Zograph, 1925, p. 49, 50-51]. Известнейший отечественный нумизмат относил этот статер к позднему выпуску лисимаховских монет Византии, обратив внимание на наличие митридатовских черт в отчеканенном здесь портрете. А.Н. Зограф указал М.И. Ростовцеву на его ошибку, и тот омолодил комплекс находок 1874 г. вплоть до второй половины II в. до н.э. [Rostowzew, 1931, S. 232]. Однако и эта датировка, на наш взгляд, слишком занижена.

Итак, А.Н. Зограф считал, что в Византии лисимаховские монеты выпускались с середины или даже с конца III по начало I в. до н.э. [Зограф, 1951, с. 100; Zograph, 1925, p. 51]. Эту точку зрения поддержала М.И. Максимова [Максимова, 1960, с. 48; ср.: Price, 1968, p. 9]. А. Сейриг полагал, что такие выпуски прекратились лишь с возникновением Римской империи [Seyrig, 1968, p. 197].

Знакомство с ак-бурунскими находками 1874 г., хранящимися в собрании Государственного Эрмитажа, позволяет предложить более точную датировку этого комплекса, а также обозначить культурную принадлежность некоторых из входящих в него находок [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 37–52]. В этом отношении особенно любопытны крупные золотые бусины (рис. 104, 2), золотой наконечник (рис. 104, 3), золотая фибула-брошь круглой формы (рис. 104, 4) и золотая фибула типа «Алезия» (рис. 104, 5).

Точные аналогии золотому наконечнику трапециевидной формы, украшенному вставками из камней (рис. 104, 3), нам не известны, но в научной литературе было высказано предположение, что он является украшением оконечности ножен кинжала [ОАК за 1874 г., с. XXI; Ростовцев, 1925, с. 256; Виноградов, 2001а, с. 312]. В этом отношении можно указать на его определённое сходство с группой позднеэллинистических артефактов, происходящих в основном из Крыма, которые понимаются либо как наконечники ножен [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182, рис. 8, 17–21; Зайцев, 2011, с. 588, рис. 2, 30–34, с. 591; Гаврилов, Труфанов, 2014, с. 138-139, рис. 24-25], либо как наконечники поясных ремней [Сымонович, 1983, с. 30-31, табл. XXXVIII,

37-38; Дашевская, 2001, с. 89-90, рис. 2, 1; ср.: Пуздровский, 2007, с. 72]. Эти артефакты изготовлены из железных, бронзовых или серебряных пластинок; некоторые имеют весьма простую геометрическую орнаментацию. Ак-бурунская находка отличается от них не только материалом и пышностью отделки, но и особенностью изготовления. Она является предметом двусторонним, поскольку украшена с двух сторон. У других крымских наконечников края пластин замыкались либо внахлёт, либо чаще оставались не сведёнными или же сведёнными только в нижней части. Соответственно, и орнаментация на них находится только с одной стороны. Эти находки атрибутируют в пределах середины II – первой половины I вв. до н.э. [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182].

Подобные наконечники известны не только в Крыму, но и в Предкавказье [Абрамова, 1993, с. 18, рис. 3, 6; с. 68, рис. 24, 35-36; Берлизов, 1996, с. 107, табл. 1, 4]. На Боспоре имеется находка серебряной пластины трапециевидной формы из Ахтанизовского клада, которую М.И. Максимова интерпретировала как обкладку ножен кинжала [Максимова, 1969, с. 57-58, № 3, рис. 16, 2; Власова, 2009, с. 72, табл. III, 9; с. 76]. Пластина из Ахтанизовки не имеет орнаментации, её длинные боковые стороны отогнуты, т.е. по внешнему виду она отличается от очерченного круга наконечников. А вот общая конфигурация ак-бурунской «золотой оправы» позволяет считать, что предложенная интерпретация (наконечник ножен кинжала) верна, во всяком случае, возможна.

Две крупные золотые бусины из Ак-Буруна орнаментированы ромбами, треугольниками и розетками из зерни (рис. 104, 2). Предметы такого рода с подобной орнаментацией являются относительно поздними; их обычно датируют эллинистическим и римским временем [Шевченко, Зайцев, Мордвинцева, 2011, с. 146]. Показательно при этом, что они встречаются в некоторых элитных памятниках Прикубанья: позднеэллинистическое погребение у станицы Воронежской [Анфимов, 2011², с. 215], курган около хутора Верёвкин [Ждановский, 1990, с. 106, 213, рис. 32, 15], курган у хутора Песчаный [Хачатурова, 2010, с. 41–44, рис. 72], памятники «зубово-воздвиженского типа» [Гущина, Засецкая, 1989, с. 77, табл. XIV, 2]. Вероятно, к этому кругу древностей следует относить золотую орнаментированную бусину из Мерджан [рис. 85, 6; Ростовцев, 1913, с. 137, табл. XII, 6] и Ахтанизовского клада [Спицын, 1909, с. 21, № 10, с. 35, рис. 27; Власова, 2009, с. 67, табл. I, 4; 69].

Приблизительно тот же круг аналогий имеет золотая фибула-брошь со вставкой в центре (рис. 104, 4). Подобные застёжки, украшенные камнями, получили распространение на Боспоре со времени эллинизма [см.: Максимова, 1979, с. 69, рис. 20]. Самой ранней находкой такого рода является застёжка из Зеленского кургана, которую М.Ю. Трейстер датировал первой четвертью III в. до н.э., признав её прототипом для всей группы фибул-брошей [Treister, 2002, р. 29, 31]. Основное количество этих артефактов происходит из Прикубанья и относится ко II–I вв. до н.э. [Марченко, 1996, с. 31-32; Treister, 2002, р. 45]. М.Ю. Трейстер признаёт возможным, что эти застёжки производились в мастерских Азиатского Боспора [Treister, 2002,

р. 31, 43], тем не менее, особенной популярностью они пользовались совсем не в эллинской среде, а у меотской и сарматской знати Прикубанья [Смирнов, 1953, с. 29-30; Амброз, 1966, с. 30-31; Марченко, 1996, с. 28-32].

Ещё более любопытна вторая золотая застёжка, происходящая из этого комплекса (рис. 104, 5). Она относится к типу шарнирных дуговидных фибул со спинкой в виде вытянутого треугольника, получивших название «Алезия» [Щукин, 1989, с. 68; Трейстер, 1993, с. 60; см.: Duval, 1974; Rieckhoff, 1975, S. 18 ff., 47-48, Taf. 3, 28-29; Feugère, 1985, p. 299-311]. Происхождение этой формы не вполне понятно, но хорошо известно, что такие застёжки были обнаружены во время раскопок кельтского опидума Алезия в 1871 г. Тогда был открыт ров с останками воинов вместе со всей амуницией, которые уверенно связываются с последним сражением галлов Верцингеторикса против войск Юлия Цезаря, происшедшим под стенами города в 52 г. до н.э. Собственно говоря, фибула получила своё название по этому опидуму. Вполне очевидно, что в 52 г. до н.э. все найденные во рву вещи были в употреблении [Щукин, 1989, с. 63]. Логично считать, однако, что появление фибул типа «Алезия» относится к более раннему времени, возможно, к первой половине I в. или даже к концу II в. до н.э., но надёжных хронологических реперов для этого не существует [Feugère, 1985, p. 306]. М.Б. Щукин определял время существования этих застёжек в пределах 52-15 гг. до н.э. [Щукин, 1989, с. 65]. М. Фёжер доводит верхнюю дату этого типа до 8 г. до н.э. [Feugère, 1985, p. 306; ср.: Duval, 1974, p. 72, 75].

Находка «Алезии» в ак-бурунском погребении 1874 г., на наш взгляд, чрезвычайно важна для нас в двух отношениях. Во-первых, она позволяет считать, что этот комплекс относится ко второй половине I в. до н.э. Во-вторых, вполне очевидна её связь с римской культурной традицией. Этот уникальный для Боспора предмет, явно изготовленный по специальному заказу, позволяет поставить вопрос о том, когда же он мог попасть на Боспор. Логично ожидать, что это, скорее всего, имело место тогда, когда Боспорское государство входило в сферу самых непосредственных интересов Рима, а именно – во время борьбы за престол, развернувшейся после смерти Митридата. Таких моментов, как говорилось выше, было несколько.

Сугубо гипотетически можно полагать, что воины Фарнака, возвращаясь в 47 г. до н.э. из Малой Азии, могли принести на Боспор кой-какие римские вещи, но золотая фибула типа «Алезия» в их составе вряд ли могла появиться, хотя в это время застёжки этого типа уже существовали. Вообще очень трудно вообразить, как Юлий Цезарь или посланный им против сына Митридата Домиций дарит на прощание плащ с дорогой фибулой своему бывшему врагу или кому-нибудь из его окружения.

Воины Митридата Пергамского, как представляется, вполне могли иметь при себе римские предметы, и золотая «Алезия» в их составе может рассматриваться как принадлежность костюма одного из приближённых претендента на боспорский престол или же как один из возможных «дипломатических даров» для налаживания контактов с местной элитой. В таком ключе данную находку трактовал М.Б. Щукин [1989, с. 68; ср.: Сапрыкин, 2002, с. 70-71].

Обратим внимание и на отмеченные выше особенности ак-бурунского комплекса – некоторые из вещей (круглая фибула-брошь и золотые бусины) имеют хорошие аналогии, прежде всего в Прикубанье. В этом отношении необходимо акцентировать внимание на том, что по пути с Кавказа на Боспор войска Митридата непременно прошли обозначенный район, и с элитой местных племён, надо полагать, были установлены дружеские связи. В противном случае было бы сложно надеяться на благополучный исход всего мероприятия. Любые договоры, как известно, обычно скрепляются вручением подарков и получением «отдарков» [см.: Виноградов, 2009б, с. 51-52]. Мы не знаем, какие подарки Митридат Пергамский дарил представителям племенной аристократии Прикубанья, но от них он сам и его приближённые могли получать те предметы, которые особенно ценились в их среде. Таким образом, есть основания считать, что погребение, открытое на мысе Ак-Бурун в 1874 г., принадлежало одному из сподвижников Митридата или же представителю боспорской знати, поддерживавшему ставленника Рима. В этой интерпретации, однако, смущает одно обстоятельство – слишком маленький срок правления Митридата на Боспоре, сводившийся, самое большее, к нескольким месяцам.

Следующий ставленник Рима на боспорском престоле – Полемон I. Можно ли связывать ак-бурунское погребение 1874 г. с его временем? С хронологической точки зрения это вполне допустимо, поскольку фибулы типа «Алезия» в 14–8 гг. до н.э. ещё могли находиться в обращении. Факт наличия римлян в войсках Полемона тоже вряд ли можно ставить под сомнение [Масленников, 1995, с. 162; Сапрыкин, 2002, с. 120, 121, прим. 72]. Иными словами, среди приближённых Полемона вполне могли быть люди, одежду которых украшали подобные дорогие застёжки. Нельзя исключать и того, что фибула могла быть подарком царя кому-нибудь из преданных ему боспорских аристократов. Срок правления Полемона I на Боспоре намного превышает месяцы власти Митридата Пергамского, то есть это период, так сказать, имел больше шансов «археологизироваться».

Но может ли погребение 1874 г. прояснить другие детали полемоновской политики на Боспоре? Имеется в виду наличие предметов, которые связывают этот комплекс с миром прикубанских варваров. Само по себе предположение о том, что Полемон был заинтересован в нормальных связях с этими племенами (хотя бы с самыми влиятельными из них), представляется вполне логичным. Перманентная вражда с меото-сарматским миром для него была бы самоубийственной, в такой обстановке он просто не смог бы удержаться у власти на протяжении 6 лет. С другой стороны, все прекрасно знают, что самые хорошие взаимоотношения могут быть испорчены, казалось бы, из-за пустяков. Полемон был убит аспургианами, но, даже учитывая этот факт, у нас нет особых оснований предполагать его непримиримую вражду ко всем прикубанцам.

На наш взгляд, для понимания ситуации того времени важное значение имеет одно свидетельство Страбона: «Полемон хотел напасть на них (аспургиан – Ю.В.) под прикрытием дружбы, но его намерение не укрывшись, он был встречен войском

аспургиан, попался живым в плен и был убит» (*Strab.* XI. 2, 11; перев. В.В. Латышева). В данном случае обратим внимание на выражение «под прикрытием дружбы», что может означать, что и этот инструмент («дружба») имелся в арсенале политических приёмов правителя Боспора. С некоторыми из прикубанских племён он действительно мог иметь дружественные связи, важным элементом которых, как уже было сказано выше, был взаимный обмен подарками. По этому каналу, как представляется, в среду боспорской аристократии могли попадать престижные предметы, популярные в среде меото-сарматской элиты.

Это предположение, однако, нуждается в оговорках. Хорошо известно, что аристократия варварских племён охотно принимала и высоко ценила некоторые предметы античного производства. В частности, ещё раз отметим, что имеются основания считать, что фибулы-броши, столь популярные в Прикубанье, изготавливались в мастерских Азиатского Боспора [Treister, 2002, p. 31, 43]. Такие фибулы вполне могли входить в состав «дипломатических даров», которые правители Боспора направляли в этот регион. Сугубо гипотетически можно предположить, что красивые застёжки могли совершать обратное путешествие в качестве подарков высокопоставленным лицам Боспора от вождей меото-сарматских племён. На первый взгляд это представляется сомнительным, но всё-таки почти наверняка боспорская элита при получении подарков не была особенно щепетильна (дорогая застёжка, полученная от варваров, была, прежде всего, дорогой застёжкой).

В отношении Митридата Пергамского вполне можно предполагать, что его окружение, попавшее в новый для себя мир, ничуть не стеснялось принимать у варваров фибулы-броши или даже золотые бусы. Для времени Полемона это уже может вызывать некоторые сомнения, но всё равно предметы названного круга (даже если они не были получены в качестве подарка, а приобретены в ювелирной лавке) должны свидетельствовать об особых симпатиях их владельца к меото-сарматскому миру.

Вторым погребальным памятником, на который следует обратить внимание, является *расписной склеп 1852 г.*, обнаруженный К.Р. Бегичевым на северном склоне горы Митридат [рис. 105; Ростовцев, 1913-14, с. 153–160, табл. XLVI-XLVII]. Он представляет собой типичную для Боспора более раннего времени двухкамерную гробницу «македонского» типа (см. главу 2.8). Ко входу вёл спуск длиной около 5,20 м,⁶ нижняя часть которого, ограниченная по сторонам двумя стенками (2,7 × 2,1 м), оформлена в виде лестницы, состоящей из четырёх каменных ступеней. Дверь, как обычно в боспорских гробницах этого типа, была заложена каменной плитой. Первая камера (проталамос) имела относительно небольшие размеры (1,9 × 1,7 м), вторая (таламос) была более обширной (3,1 × 1,95 м). Свод был сделан в виде арки.

Склеп был сооружён из отёсанных камней на известковом растворе, стены и потолок оштукатурены. Поверх штукатурки была нанесена роспись. В первой ка-

⁶ Все размеры этой гробницы сняты с чертежа архитектора Шмакова (рис. 105), поэтому весьма приближительны.

мере нижняя часть стен разбита на четырёхугольники, имитирующие ряды каменной кладки. В таламосе нижняя часть стен имеет роспись, имитирующую покрытие плитами цветного мрамора; её верхний ряд украшен изображениями птиц, сидящих на ветвях. Над входом в таламос сохранилось нечёткое изображение двух фигур – мужской и женской, как бы указывающих на вход в эту камеру. На торцовой стене гробницы так же нечётко сохранилась роспись в виде двух всадников, вооружённых копьями. Эти фигуры размещены по сторонам от ниши.

Склеп был ограблен, поэтому надёжных оснований для его датировки мы не имеем. Тем не менее, вполне очевидно, что архитектура этой гробницы очень схожа с конструкцией склепов Васюринской горы (см. главу 2.8, № 1-2), а роспись находит аналогии в склепе Большого Васюринского кургана и Анапской гробницы 1908 г. (см. главу 2.8, № 1, 3). Вместе с тем, здесь имеются отличия от этих хорошо известных памятников, позволившие М.И. Ростовцеву датировать этот склеп концом I в. до н.э. – самым началом I в. н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 158]. Если эта датировка верна, то следует признать, что склеп 1852 г. является важным звеном на пути эволюции боспорских элитных гробниц к расписным катакомбам первых веков н.э.

Подведём некоторые итоги. Сразу следует подчеркнуть, что погребение, открытое на мысе Ак-Бурун в 1874 г., для боспорской археологии является в высшей степени важным, можно сказать, уникальным памятником. Оно относится ко второй половине I в. до н.э. (более узкая датировка, к сожалению, не возможна), т.е. одному из самых сложных периодов в истории Боспора. Кремация была совершена по греческому обряду. Погребальный инвентарь отличается богатством и неоднородностью состава. Золотой венок свидетельствует о греческой героической традиции, фибула типа «Алезия» указывает на связь с Римом, а другие вещи (фибула-брошь, крупные золотые бусины) характерны для аристократических погребений Прикубанья. Золотой, украшенный вставками из камней наконечник ножен кинжала (?), скорей, роднит этот комплекс с позднескифской культурой Крыма. Учитывая все эти детали, можно считать, что погребение было совершено тогда, когда Боспор вошёл в сферу римских интересов. Это могло быть при Митридате Пергамском (47 г. до н.э.) либо при Полемоне I (14–8 гг. до н.э.). Первое предположение, на наш взгляд, выглядит более предпочтительным, но дополнительных аргументов в его пользу мы привести не можем.

Комплекс Ак-Бурун (1874 г.), на наш взгляд, как никакой другой на Боспоре, свидетельствует о начале новой исторической эпохи, связанной с включением Северного Причерноморья в сферу интересов Рима. Ничего подобного ему боспорская археология не знает.

Расписной склеп 1852 г., несмотря на ненадёжность его датировки, можно рассматривать как весьма значимое явление в развитии боспорской погребальной архитектуры от расписных склепов III–I вв. до н.э. до катакомб римской эпохи.

Ю.А. Виноградов.